

399	0278-1	АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ	"Чужие города"	Часть 1 «Всё, что осталось»
400	0278-2	АЛЕКСАНДР ВЕРТИНСКИЙ	"Чужие города"	Часть 2 «О нас и о Родине»

"Чужие города" (Коренблит – Вертинский)

Часть 1 «Всё, что осталось»

1. Девочка с характером - 2.29
2. Маленькие актрисы - 3.29
3. За кулисами - 2.28
4. Прощальный ужин - 3.14
5. Не покидай меня - 1.16
6. Твоя любовь - 1.58
7. Всё, что осталось - 1.23
8. Прощание - 1.56
9. Трефовый король - 2.52
10. Дни бегут - 2.13
11. Случайная встреча - 1.59
12. Без женщин - 2.38
13. В степи молдаванской - 2.39
14. Дым без огня - 2.14
15. Рождество - 1.40
16. Всё равно - 0.59
17. В океане - 1.55
18. Джимми - 1.52
19. Палестинское танго - 2.42
20. Дансинг-гёрл - 3.09
21. Любовнице - 2.22
22. Малиновка - 2.01
23. Сумасшедший шарманщик - 2.30

Общее время звучания – 52.00

Общее время звучания – 100.21

СОДЕРЖАНИЕ

1. Девочка с капризами

Мы читаем Шницлера. Бредим мы маркизами.
Осень мы проводим с мамой в Туапсе.
Девочка с привычками, девочка с капризами,
Девочка не «как-нибудь», а не так, как все.

Мы никем не поняты и разочарованы.
Нас считают маленькой и теснят во всем.
И хотя мы мамою не очень избалованы,
Все же мы умеем поставить на своем.

Из-за нас страдают здесь очень-очень многие.
Летом в Евпатории был такой момент,
Что Володя Кустиков принял грамм цикория.
Правда, он в гимназии, но почти студент.

Платьица короткие вызывают страстные
Споры до истерики с бонной и мама.
Эти бонны кроткие- сволочи ужасные.
Нет от них спасения. Хуже, чем чума!

Вечно неприятности. Не дают возможности,
Заставляют волосы распускать, как хвост.
Что это, от глупости иль от осторожности?
А кузен Сереженька все острит, прохвост!

Он и бонна рыжая целый день сопутствуют.
Ходишь, как по ниточке, - воробей в плену!..
Девочка с капризами, я Вам так сочувствую.
Вашу жизнь тяжелую я один пойму!

2. Маленькие актрисы

Я знаю этих маленьких актрис,
Настойчивых, лукавых и упорных,
Фальшивых в жизни, ласковых в уборных,
Где каждый вечер чей-то бенефис.

Они грустят, влюбленные напрасно
В самих себя – Офелий и Джульетт.
Они давно и глубоко несчастны,
В такой взаимности, увы, успеха нет.

А рядом жизнь. Они не замечают,
Что где-то есть и солнце, и любовь,
Они в чужом успехе умирают
И, умирая, воскресают вновь.

От ревности, от этой жгучей боли
Они стареют раз и навсегда
И по ночам оплакивают роли,
Которых не играли никогда.

Я узнаю их по заметной дрожи
Горячих рук, по блеску жадных глаз,
Их разговор напоминает тоже
Каких-то пьес знакомый пересказ.

Трагически бесплодны их усилья,
Но, твердо веря, что дождутся дня,
Как бабочки, они сжигают крылья
На холоде бенгальского огня.

И, вынося привычные подносы,
Глубоко затаив тоску и гнев,
Они уже не задают вопросов
И только в горничных играют королев.

3. За кулисами

Вы стояли в театре, в углу, за кулисами,
А за Вами, словами звеня,
Парикмахер, суфлёр и актёры с актрисами
Потихоньку ругали меня.

Кто-то злобно шипел: «Молодой, да удаленький!
Вот кто за нос умеет водить...»
И тогда Вы сказали: «Послушайте, маленький,
Можно мне вас тихонько любить?»

Вот окончен концерт... Помню степь белоснежную...
На вокзале Ваш мягкий поклон.
В этот вечер Вы были особенно нежною,
Как лампадка у старых икон...

А потом – города, степь, дороги, проталинки...
Я забыл то, чего не хотел бы забыть.
И осталась лишь фраза: «Послушайте, маленький,
Можно мне вас тихонько любить?»
1916, Крым

4. Прощальный ужин

Сегодня томная луна,
Как пленная царевна,
Грустна, задумчива, бледна
И безнадежно влюблена.

Сегодня музыка больна,
Едва звучит напевно.
Она капризна и нежна,
И холодна, и гневна.

Сегодня наш последний день
В приморском ресторане,
Упала на террасу тень,
Зажглись огни в тумане...

Отлив лениво ткет по дну
Узоры пенных кружев.
Мы пригласили тишину
На наш прощальный ужин.

Благодарю Вас, милый друг,
За тайные свиданья,
За незабвенные слова
И пылкие признанья.

Они, как яркие огни,
Горят в моем ненастье.
За эти золотые дни

Украденного счастья.

Благодарю Вас за любовь,
Похожую на муки,
За то, что Вы мне дали вновь
Изведать боль разлуки.

За упоительную власть
Пленительного тела,
За ту божественную страсть,
Что в нас обоих пела.

Я подымаю свой бокал
За неизбежность смены,
За Ваши новые пути
И новые измены.

Я не завидую тому,
Кто Вас там ждет, тоскуя...
За возвращение к нему
Бокал свой молча пью я!

Я знаю. Я совсем не тот,
Кто Вам для счастья нужен.
А он – иной... Но пусть он ждет,
Пока мы кончим ужин!

Я знаю, даже кораблям
Необходима пристань.
Но не таким, как я! Не нам,
Бродягам и артистам!

5. Не покидай меня

Ты успокой меня,
Скажи, что это шутка,
Что ты по-прежнему,
По-старому моя!

Не покидай меня!
Мне бесконечно жутко,
Мне так мучительно,
Так страшно без тебя!..

Но ты уйдешь, холодной и далекой,
Укутав сердце в шелк и шаншилла.
Не презирай меня! Не будь такой жестокой!
Пусть мне покажется,
Что ты еще моя!..

1930, Дрезден

6. Твоя любовь

Знаешь, если б ты меня любила,
Ты бы так легко не отдала
Ни того, что мне сама дарила,
Ни того, что от меня брала.

Но пожара нет. А запах дыма
Очень скоро с ветром улетит,
И твое божественное имя
Для меня уже едва звучит.

Я живу. Я жить могу без веры,
Только для искусства одного.
И в моих глазах, пустых и серых,
Люди не заметят ничего.

7. Все, что осталось

Это все, что от Вас осталось, -
Пачка писем и прядь волос.
Только сердце немного сжалось,
В нем уже не осталось слез.

Вот в субботу куплю собаку,
Буду петь по ночам псалом,
Закажу себе туфли к фракку...
Ничего. Как-нибудь проживем.

Все окончилось так нормально
Так логичен и прост конец:
Вы сказали, что нынче в спальню
Не приносят с собой сердец.
1918, Харьков

8. Прощание

С большою нежностью, ибо скоро уйду от всех,
Я часто думаю, кому достанется Ваш звонкий смех?
И нежная гамма тончайших чувств, и юного сердца пыл,
И Вашего тела розовый куст – который я так любил.

И диких фантазий капризный взлет,
И милых ошибок рой,
И Ваш иронический горький рот,
Смеявшийся над собой.

И все Ваши страсти, и все грехи,
Над безднами чувств скользя,
И письма мои, и мои стихи,
Которых забыть нельзя!

И кто победит? Кто соперник мой?
Придет «фаворит» иль «фукс»?
И кто он будет, - поэт, герой
иль «Жиголо де Люкс»?

И как-нибудь утром, снимая фрак,
Кладя гардению в лед,
Сумеет ли он, мой бедный враг,
Пустить себе пулю в рот?

Потому что не надо срывать цветов
И в клетках томить птиц,
Потому что нельзя удержать любовь,
Упав перед нею ниц.

9. Трефовый король

Так недолго Вы были моей Коломбиною.
Вы ушли с представителем фирмы Одоль.
Далеко-далеко в свое царство ослиное
Вас увозит навеки трефовый король.

Ну конечно, Пьеро – не присяжный поверенный,
Он влюбленный бродяга из лунных зевак,
И из песни его даже самый умеренный
Все равно не сошьешь горностаевый сак.

А трефовый король - человек с положением.
Он богат, и воспитан, и даже красив.
Недалекий немножко. Зато, без сомнения,
Человек своих слов и почти не ревнив.

Говорят, у него под Тифлисом имение.
Впрочем, это неважно, а главное то,
Что, желая всю жизнь из-за лунного пения
Не иметь бриллиантов, эспри и манто.

Надо быть "Коломбиной". Прощайте, последняя.
Поцелуй – Вашим мыслям. Да здравствует Боль!
Буду петь, как всегда, свои лунные бредни я,
Ну а Вас успокоит... Трефовый король.

1918

10. Дни бегут

Сколько вычурных поз,
Сколько сломанных роз,
Сколько мук, и проклятий, и слез!

Как сияют венцы!
Как банальны концы!
Как мы все в наших чувствах глупцы!

А любовь – это яд.
А любовь – это ад,
Где сердца наши вечно горят.

Но дни бегут,
Как уходит весной вода,
Дни бегут,
Унося за собой года.

Время лечит людей,
И от всех этих дней
Остается тоска одна,
И со мною всегда она.

Но зато, разлюбя,
Столько чувств загубя,
Как потом мы жалеем себя!

Как нам стыдно за ложь,
За сердечную дрожь,
И какой носим в сердце мы нож!

Никому не понять,
Никому не сказать,
Остается застыть и молчать.

А... дни бегут,
Как уходит весной вода,
Дни бегут,
Унося за собой года.

Время лечит людей,
И от всех этих дней
Остается тоска одна,
И со мною всегда она...

11. Случайная встреча

Встретились случайно, где-то на концерте,
То, что было прежде, умерло давно.
Ласковые письма в голубом конверте -
Это все забыто, все погребено.

Оба постарели. Он в обычном фраке
И с каким-то горьким, невеселым ртом,
А в лице застыли огненные знаки...
А она — печальная, с золотым кольцом.

Все прошло. Забыто. По дороге к смерти
Путь земной так беден, одинок и сер...
Встретились случайно, где-то на концерте,
Он ей поклонился и прошел в партер.

12. Без женщин

Как хорошо без женщины, без фраз,
Без горьких слов и сладких поцелуев,

Без этих милых, слишком честных глаз,
Которые вам лгут и вас еще ревнуют!

Как хорошо без театральных сцен,
Без длинных «благородных» объяснений,
Без этих истерических измен,
Без этих запоздалых сожалений.

И как смешна нелепая игра,
Где проигрыш велик, а выигрыш ничтожен,
Когда партнеры ваши — шулера,
А выход из игры уж невозможен.

Как хорошо с приятелем вдвоем
Сидеть и пить простой шотландский виски
И, улыбаясь, вспоминать о том,
Что с этой дамой вы когда-то были близки.

Как хорошо проснуться одному
В своем веселом холостяцком «флете»
И знать, что вам не нужно никому
«Давать отчеты» — никому на свете!

А чтобы «проигрыш» немного отыграть,
С ее подругою затеять флирт невинный
И как-нибудь уж там «застраховать»
Простое самолюбие мужчины!

13. В степи молдаванской

Тихо тянутся сонные дроги
И, вздыхая, ползут под откос.
И печально глядит на дороги
У колодцев распятый Христос.

Что за ветер в степи молдаванской!
Как поет под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя!

Как все эти картины мне близки,
Сколько вижу знакомых я черт!
И две ласточки, как гимназистки,
Провожают меня на концерт.

Что за ветер в степи молдаванской!
Как поет под ногами земля!
И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя!

Звону дальнему тихо я внемлю
У Днестра на зеленом лугу.
И Российскую милую землю

Узнаю я на том берегу.

А когда засыпают березы
И поля затихают ко сну,
О, как сладко, как больно сквозь слезы
Хоть взглянуть на родную страну...

14. Дым без огня

Вот зима. На деревьях цветут снеговые улыбки.
Я не верю, что в эту страну забредет Рождество.
По утрам мой комичный маэстро так печально играет на скрипке
И в снегах голубых за окном мне поет Божество!

Мне когда-то хотелось иметь золотого ребенка,
А теперь я мечтаю уйти в монастырь, постареть
И молиться у старых притворов печально и тонко
Или, может, совсем не молиться, а эти же песенки петь!

Все бывает не так, как мечтаешь под лунные звуки.
Всем понятно, что я никуда не уйду, что сейчас у меня
Есть обиды, долги, есть собака, любовница, муки
И что все это – так... пустяки... просто дым без огня!
1916. Крым, Ялта

15. Рождество

Рождество в стране моей родной,
Синий праздник с дальнею звездой,
Где на паперти церковей в метели
Вихри стелют ангелам постели.

С белых клиросов взлетает волчий вой...
Добрый праздник, старый и седой.
Мертвый месяц щерит рот кривой,
И в снегах глубоких стыннут ели.

Рождество в стране моей родной.
Добрый дед с пушистой бородой,
Пахнет мандаринами и елкой
С пушками, хлопушками в кошелке.

Детский праздник, а когда-то мой.
Кто-то близкий, теплый и родной
Тихо гладит ласковой рукой.

.
Время унесло тебя с собой,
Рождество страны моей родной.

16. Всё равно

К мысу Радости, к скалам Печали ли,
К островам ли сиреневых птиц.
Все равно, где бы мы ни причалили –
Не поднять нам усталых ресниц.

В мутном стеклышке иллюминатора
Проплывут золотые сады.
Солнце тропиков, пальмы экватора,
Голубые полярные льды.

Все равно, где бы мы ни причалили,
К островам ли сиреневых птиц,
К мысу Радости, к скалам Печали ли –
Не поднять нам усталых ресниц.

17. В океане

Вы сегодня нежны,
Вы сегодня бледны,
Вы сегодня бледнее луны...
Вы читали стихи,
Вы считали грехи,
Вы совсем как ребенок тихи.

Ваш лиловый аббат
Будет искренно рад
И отпустит грехи наугад...
Бросьте ж думу свою,
Места хватит в раю.
Вы усните, а я вам спою.

В синем и далеком океане,
Где-то возле Огненной Земли,
Плавают в сиреневом тумане
Мертвые седые корабли.

Их ведут слепые капитаны,
Где-то затонувшие давно.
Утром их немые караваны
Тихо опускаются на дно.

Ждет их океан в свои объятия,
Волны их приветствуют, звеня.
Страшны их бессильные проклятья
Солнцу наступающего дня...

18. Джимми

Я знаю, Джимми, Вы б хотели быть пиратом,
Но в наше время это невозможно.
Вам хочется командовать фрегатом,
Носить ботфорты, плащ, кольцо с агатом,
Вам жизни хочется отважной и тревожной.

Вам хочется бродить по океанам
И грабить шхуны, бриги и фелуки,
Подставить грудь ветрам и ураганам,
Стать знаменитым черным капитаном

И на борту стоять, скрестивши гордо руки...

Но, к сожалению... Вы мальчик при буфете
На мирном пароходе «Гватемале».
На триста лет мы с Вами опоздали,
И сказок больше нет на этом скучном свете.

Вас обижают мэтр за допитый коктейль,
Бьет повар за пропавшие бисквиты.
Что эти мелочи, когда мечты разбиты,
Когда в двенадцать лет уже в глазах печаль!

Я знаю, Джимми, если б были Вы пиратом,
Вы б их повесили однажды на рассвете
На первой мачте Вашего фрегата...
Но вот звонок, и Вас зовут куда-то...
Прощайте, Джимми, — сказок нет на свете!
1934. Средиземное море, пароход «Теофиль Готье»

19. Палестинское танго

Манит, звенит, зовет, поет дорога,
Еще томит, еще пьянит весна,
А жить уже осталось так немного,
И на висках белеет седина.

Идут, бегут, летят, спешат заботы,
И в даль туманную текут года.
И так настойчиво и нежно кто-то
От жизни нас уводит навсегда.

И только сердце знает, мечтает и ждет
И вечно нас куда-то зовет,
Туда, где улетает и тает печаль,
Туда, где зацветает миндаль.

И в том краю, где нет ни бурь, ни битвы,
Где с неба льется золотая лень,
Еще поют какие-то молитвы,
Встречая ласковый и тихий божий день.

И люди там застенчивы и мудры,
И небо там как синее стекло.
И мне, уставшему от лжи и пудры,
Мне было с ними тихо и светло.

Так пусть же сердце знает, мечтает и ждет
А вечно нас куда-то зовет,
Туда, где улетает и тает печаль,
Туда, где зацветает миндаль...
Палестина

20. Дансинг-гёрл

Это бред. Это сон. Это снится...
Это прошлого сладкий дурман.
Это Юности Белая Птица,
Улетевшая в серый туман...

Вы в гимназии. Церковь. Суббота.
Хор так звонко, весенне поет...
Вы уже влюблены, и кого-то
Ваше сердце взволнованно ждет.

И когда золотые лампы
Кто-то гасит усталой рукой,
От высокой церковной ограды
Он один провожает домой.

И весной, и любовью волнуем,
Ваши руки холодные жмет.
О, как сладко отдать поцелуям
Свой застенчивый девичий рот!

А потом у разлапистой ели,
Убежав с бокового крыльца,
С ним качаться в саду на качели —
Без конца, без конца, без конца...

Это бред! Это сон! Это снится!
Это юности сладкий обман!
Это лучшая в книге страница,
Начинавшая жизни роман!

Дни бегут все быстрее и короче,
И уже в кабаках пятый год
С иностранцами целые ночи
Вы танцуете пьяный фокстрот.

Беспокойные жадные руки
И насмешка презрительных губ,
А оркестром раздавлены, - звуки
Выползают, как змеи, из труб.

В барабан свое сердце засунуть —
Пусть его растерзает фокстрот!
О, как бешено хочется плюнуть
В этот нагло смеющийся рот!

И под дикий напев людоедов,
С деревянной маской лица,
Вы качаетесь в ритме соседа
Без конца, без конца, без конца...

Это бред! Это сон! Это снится!
Это чей-то жестокий обман!

Это Вам подменили страницы
И испортили нежный роман!

21. Любовнице

Замолчи, замолчи, умоляю,
Я от слов твоих горьких устал.
Никакого я счастья не знаю,
Никакой я любви не встречал.

Не ломай свои тонкие руки.
Надо жизнь до конца дотянуть.
Я пою мои песни от скуки,
Чтобы только совсем не заснуть.

Поищи себе лучше другого,
И умней и сильнее меня,
Чтоб ловил твое каждое слово,
Чтоб любил тебя «жарче огня».

В этом странном, «веселом» Париже
Невеселых гуляк и зевак
Ты одна всех понятней и ближе,
Мой любимый, единственный враг.

Скоро, скоро с далеким поклоном,
Мою «русскую» грусть затая,
За бродячим цыганским вагоном
Я уйду в голубые края.

А потом как-нибудь за стеною
Ты услышишь мой голос сквозь сон,
И про нашу разлуку с тобою
Равнодушно споет граммофон.

22. Малиновка

Малиновка моя, не улетай!
Зачем тебе Алжир, зачем Китай?
Каких ты хочешь мук? Какой ты ищешь рай?
Малиновка моя, не улетай!

Не покидай меня и не зови с собой,
Не оставляй меня наедине с судьбой,
Чтоб вечно петь и петь, кричать в сердца людей
И укрощать зверей!

Твоя судьба — звенеть и вить свое гнездо.
Я ж обречен лететь упавшею звездой,
Полнеба озарив, погаснуть без следа,
Как луч на дне пруда.

И как сказать тебе, мой светлый Май,
Что ты последний сон, последний рай,

Что мне не пережить холодного «прощай»...
Малиновка моя, не улетай!

23. Сумасшедший шарманщик

Каждый день под окном он заводит шарманку.
Монотонно и сонно он поет об одном.
Плачет старое небо, мочит дождь обезьянку,
Пожилую актрису с утомленным лицом.

Ты усталый паяц, ты смешной балаганщик
С обнаженной душой, ты не знаешь стыда!
Замолчи, замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Мои песни мне надо забыть навсегда, навсегда!

Мчится бешеный шар и летит в бесконечность,
И смешные букашки облепили его,
Бьются, вьются, жужжат и с расчетом на вечность
Исчезают, как дым, не узнав ничего.

А высоко вверху Время – старый обманщик,
Как пылинки с цветов, с них сдувает года...
Замолчи, замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Этой песни нам лучше не знать никогда, никогда!

Мы – осенние листья, нас бурей сорвало.
Нас все гонят и гонят ветров табуны.
Кто же нас успокоит, бесконечно усталых,
Кто укажет нам путь в это царство Весны?

Будет это пророк или просто обманщик,
И в какой только рай нас погонят тогда?..
Замолчи, замолчи, замолчи, сумасшедший шарманщик,
Эту песню мы не можем забыть никогда, никогда!